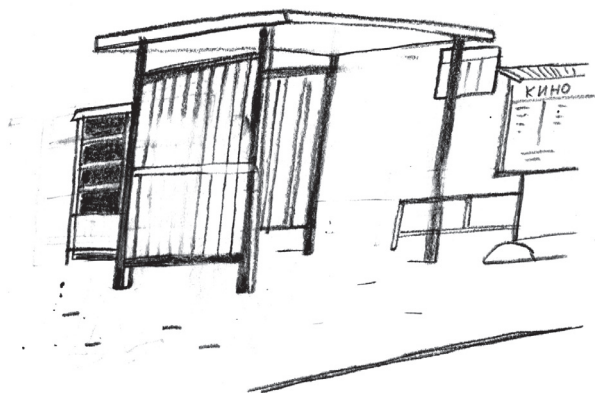

СОДЕРЖАНИЕ

Волшебное дерево.....	5
Урология.....	30
Гуманитарная помощь	56
Переключка	78
Черника	108
Окна	136
Ложки.....	160
Установка	188
Аллегро	206
Ножки Буша.....	239
Поле чудес.....	267
Перспектива.....	293
Пора	320
Благодарности	346

Моему мужу Денису и моей сестре Насте

ВОЛШЕБНОЕ ДЕРЕВО

Вслед за Черненко умер Моцарт, и Гриша заболел.

Сначала провалялся неделю в постели с температурой, хотя никаких других симптомов не было, и Марина Юрьевна, строгая врач из районной поликлиники, даже не знала, какой поставить диагноз, только прописала, как обычно, бисептол. Потом Гриша вроде встал, оклемался, но словно потух. Разговаривал мало, не задавал Жене бесконечных вопросов про океан, и космос, и Древний Рим, не улыбался.

Можно сказать, что Гришу вырастил Моцарт, старый рыжий пес, по крайней мере, так любила обронить Женина мама, когда хотела уличить ее в небезупречном выполнении материнских обязанностей. Ребенком-де занимается не мать, а пес: с Моцартом Гриша засыпал, гулял, шел в детский сад, читал, только что не ел с ним из одной миски.

Моцартом его нарекла мама, Светлана Ефимовна, — это был любимый композитор Жениного покойного отца. Овдовела мама давно, еще до Гришиного рождения, но до сих пор не оправилась от потери.

Собственно, это и было мамино условие, чтобы оставить того уже совсем не молодого двортерьера, который однажды забрел к ним на дачу в Малаховке: имя ему даст она, и это будет что-то связанное с Боречкой. Кроме Моцарта, еще рассматривались Стравинский и Шостакович, но Моцарт был все же короче.

Сам пес при этом Моцарта, да и вообще громкую музыку не любил, видимо, была в его дворовой жизни какая-то травма, с этим связанная, и, если мама включала у себя в комнате старый отцовский проигрыватель, Моцарт деликатно уходил на кухню, забивался под стол и сидел там до тех пор, пока мама не выключала музыку.

Скопления людей он тоже не переносил и, когда приходили гости, отсиживался в ванной.

Зато Грише Моцарт позволял делать с собой абсолютно все: таскать за уши, дергать за густую рыжую шерсть — видимо, в роду у него были колли, — кататься у него на спине, даже копать в миске с едой.

Первые полгода у младенца Гриши были колики, и он надрывался часами, так что у Жени, которая таскала его все время на руках, спина выгнулась, как басовый ключ. И только лежа на взрослой кровати рядом с Моцартом мальчик успокаивался и засыпал, и мог проспать так час, а то и два, окруженный со всех сторон теплым рыжим существом. Моцарт по-

слушно лежал рядом, не двигаясь, охраняя сон вверенного ему маленького мальчика. А если, бывало, у Гриши выпадала изо рта соска, и в полусне он начинал дергаться и возиться и готов был проснуться и снова заорать, Моцарт открывал глаза и своим холодным мокрым носом подталкивал соску к Гришиному рту, тот брал ее, сладко причмокивал и успокаивался.

Светлана Ефимовна, профессор-отоларинголог, доктор медицинских наук, дама аристократичная, если не по происхождению, то уж точно по самоощущению, поначалу протестовала при виде этой картины — пес, причем не какой-то там, а самая что ни на есть дворняга, возлежит на хозяйской кровати, а рядом с ним младенец — в нарушение всех правил безопасности и гигиены.

Но оставшись пару раз с разоравшимся до красноты внуком, Светлана Ефимовна поняла, что другого способа успокоить младенца и правда нет, и сама позвала пса на помощь, только взяла с Жени и Андрея обещание, что никому из друзей и знакомых не рассказывать не будут.

Ходить Гриша научился тоже с помощью Моцарта: сначала вставал, бесцеремонно хватаясь цепкими пальчиками за длинные собачьи уши, потом научился передвигаться по комнате, опираясь на пса, а через пару месяцев уже бегал за ним по дачному участку.

И с детским садом Гришу смог примирить только Моцарт. По утрам, когда Женя с трудом вынимала его сонного из кровати, а потом, вновь заснувшего, стаскивала с унитаза и одевала в сад, только мысль о том, что его будет сопровождать Моцарт, помога-

ла Грише привыкнуть к необходимости идти в казенный дом и сдаваться на милость злобных теток в белых халатах.

Зимой Женя везла его в сад на санках. К респираторным заболеваниям Женина мама имела профессиональную неприязнь, поэтому Гришу кутали с особым пристрастием. Под меховую шапочку надевалась трикотажная, под шубку поддевался свитер и кофта, когда было совсем холодно, то между колготками и штанами пролегал слой рейтуз, так что ни разогнуться, ни повернуться было нельзя, можно было только сидеть, опершись на спинку санок, и смотреть по сторонам. Андрей, муж, шутил, что в таком обмундировании Гриша был похож на космонавтов Кизима и Соловьева, которые в похожих наверняка скафандрах совершили выход в открытый космос.

Женя бежала быстро, чтобы не замерзнуть, санки резво неслись по снегу, и в лицо Грише, вернее в узкую щелочку между надвинутой на лоб шапкой и натянутым на нос шарфом, брызгал из-под полозьев снег. Было еще темно, в квартирах горел свет, и Гриша любил вглядываться в окна, особенно в те, где свет казался уютным и теплым. И ему тут, на санках, тоже было тепло и уютно, потому что он был закутан в невероятное количество слоев и потому что рядом бежал верный, любимый Моцарт, а если мама останавливалась, чтобы сделать передышку, тот лизал Грише нос, обдавая горячим дыханием.

В последние месяцы Моцарт стал сильно сдавать, и по тому, как часто он стал промахиваться мордой мимо миски с едой, Женя поняла, что пес почти ослеп. В феврале у него отнялись задние лапы, и те-

перь два раза в день — до и после работы — Женя с Андреем вдвоем сносили Моцарта с четвертого этажа на улицу, чтобы тот сделал свои дела. Однажды Андрей задержался на работе, и Моцарт не дотерпел: теплая лужа растеклась по коридору. Женя навсегда запомнила этот взгляд, абсолютно человеческий, полный стыда, тоски и мольбы о прощении. Моцарт, дорогой, это ты нас прости...

Женя еще возила его по ветеринарам, надеясь если не продлить ему жизнь, то хотя бы облегчить ее, но Моцарт уже сам все понял и в последние недели старался ни на секунду не отходить от своих любимых, особенно от Гриши.

В тот день, когда страна прощалась с очередной мумией и по телевизору играла траурная музыка и мелькали красные повязки и венки, похоронили и Моцарта. Своей машины у семьи не было, и Женя попросила подругу Тому, у ее отца был старый жигуль. Моцарта завернули в подстилку, на которой он спал, и закопали в лесу, недалеко от дачи.

Гришу не взяли, решили поберечь. В детском саду в тот день плакали трое: простодушная воспитательница Татьяна Сергеевна, которая была уверена, что уж теперь на нас точно нападут американцы, воображала Лена Бурова, которая даже явилась с черными бантами, и Гриша.

Женя уже давно опасалась ухода Моцарта, видя, как стареет пес и как привязан к нему сын. В сущности, кроме Томиной дочки Аси, Моцарт был единственным Гришиным другом, если, конечно, не брать в счет Элли с Железным Дровосеком, Муми-тролля и других книжных персонажей.

Он научился читать в три года — сам, по бабушкиному справочнику по отоларингологии, оставленному ей на кухонном подоконнике. Он торчал дома с простудой, слонялся по квартире, изнывая от скуки. Алфавит к тому времени Гриша уже знал и, открыв бабушкину книгу, принялся отыскивать в ней знакомые буквы. Букв было много, справочник был напечатан маленьким шрифтом, без единой картинки, но чего не сделаешь от скуки, и, посидев некоторое время над книгой, Гриша вдруг прозрел, что заглавные жирные буквы на самом верху первой страницы выстраиваются в словосочетание «болезни глотки» — так была озаглавлена первая часть. Следующий абзац начинался словами «абсцесс заглоточный», и перечислялись симптомы, диагностика, лечение и прогноз заболевания, и тут, конечно, Грише пришлось попотеть. Дальше, согласно алфавиту, следовали абсцесс заглоточный боковой, абсцесс перитонзиллярный и прочие незавидные состояния уха-горла-носа, и с каждой новой кондицией слова разгадывались чуть легче. К концу болезни Гриша уже мало того что бегло читал, но еще и выучил латинский алфавит, сопоставив названия болезней с их эквивалентами на латыни и раскусив, что *laryngitis chronica* — не что иное, как хронический ларингит.

Но все это было только прелюдией, потому что когда до взрослых наконец-то дошло, что их чадо самостоятельно научилось читать и они подсунули ему настоящие детские книги, оказалось, что смысл чтения заключался вовсе не в кратковременной эйфории, которую он испытывал от разгадки ребуса при прочтении какой-то длинной и заковыристой фразы вроде «пальпация подчелюстных лимфатиче-

ских узлов», а в долгом, постоянном удовольствии от проникновения в другой, гораздо более интересный и яркий мир, где отправляются в кругосветные путешествия, дерутся на шпагах и находят несметные сокровища.

С тех пор задача всех домашних состояла в том, чтобы отобрать у мальчика очередную книгу и выгнать его на улицу, хоть на часок, хоть на двадцать минут, туда, где гоняли мяч его румяные и крепкие сверстники, не зараженные вирусом чтения.

Очень быстро дома закончились книги, которые Гриша мог прочесть самостоятельно — «Буратино», «Чиполлино», «Карлсона», «Хоттабыча», — и глаза уже засматривались, а руки тянулись к «Библиотеке приключений». Если какая-то книга шла тяжело, Женя читала Грише вслух, а второй раз он уже перечитывал сам. Читал он запоем, открывал книгу и мгновенно проваливался, исчезал в другом измерении — в изумрудном городе, в индийских джунглях вместе с Маугли, в заснеженных юртах сказок народов Севера. Чаще всего Гриша усаживался в углу большой комнаты, на топчане между книжным и платяным шкафом, положив книгу на согнутые колени как на пюпитр. Рядом обычно дремал Моцарт, охраняя мальчика от домочадцев, которые вечно от него чего-то хотели: то позвать на ужин, то выпроводить на улицу, то приобщить к домашним делам. Это свое место, в котором было так уютно и удобно читать, Гриша прозвал удобом.

Кроме художественных книг, в ход шли энциклопедии, атласы, журналы, которые выписывали родители, — и даже стопка «Науки и жизни» семидесятих годов, найденная на антресолях.

Потому-то у Гриши и не было друзей: внутренний мир его был куда богаче того, что ему могли предложить сверстники. Его совершенно не привлекали обычные мальчишеские забавы — салки, вышибалы, войнушка, — не приводила в восторг железная дорога с поездами и синим, со свистком паровозом, за которым вечно стояла очередь в группе, не интересовал пластмассовый пистолет, который мальчишки отыскивали в оттаявшей по весне песочнице, а потом подрались, потому что каждый хотел оставить его себе. И дети в большинстве своем отвечали Грише взаимностью — предпочитали не связываться.

Старшую воспитательницу Нину Петровну страшно раздражал этот умник, который постоянно норовил удалиться в самый дальний угол группы, сесть там за ширму для кукольного театра и читать, пока другие дети лепили уточек из пластилина или разучивали стишки для праздничного утреника. Однажды его так потеряли. Гриша занял свое любимое место за ширмой, открыл книгу и пропал. Он не слышал ни оклики нянечки, которая звала детей одеваться на прогулку, ни крики воспитательниц, порядком испугавшихся, когда недосчитались Школьника, ведь утром он точно пришел, это все видели, еще долго не мог найти в раздевалке вторую чешку, и где же он тогда мог быть.

Очнулся Гриша, только когда из-за раздвинутой ширмы показался огромный бант Буровой и ее довольная физиономия.

— Он тут, Нина Петровна! — закричала Бурова. — Школьник тут!

Ему, конечно, досталось. Озверевшая Нина Петровна выволокла Гришу за шиворот и кричала, что

он чуть не довел ее до инфаркта, и что она сейчас отведет этого паршивца к директору, и там ему устроят. Но после того, как страсти улеглись, Татьяна Сергеевна, которая была помоложе и подороже, нашла Гришиному книжному недугу достойное применение. Теперь они сажали всю группу на детские стульчики полукругом, Гришу устраивали перед ними на высокой табуретке, и, ссутулившись, он читал — перед тихим часом, после тихого часа, после полдника, а иногда даже и вместо прогулки, освободив таким образом воспитательниц для упоительного трепа.

Сначала Нина Петровна попробовала подsunуть ему стандартный репертуар про Ленина, чернильницу и бревно, но аудитория не оценила — девочки ерзали на стульях, мальчишки принялись драться, и воспитательницам пришлось их разнимать. Тогда Гриша принес из дома «Сказки народов Востока», сиреневый томик шестьдесят седьмого года издания, который сам уже прочитал вдоль и поперек.

Сюжеты были похожи на русские народные сказки: все гнались за богатством, красивой невестой и вечной молодостью. Но вместо царя здесь был падишах, вместо Кощея — джинн, а транспортным средством взамен сапог-скороходов служил волшебный ковер. Дети замирали, слушали во все уши, и воспитательницы могли заниматься своими делами. Гришу зауважали.

Ему не исполнилось еще и пяти лет, но Жене было уже сложно поддержать с Гришей разговор. Если в художественной литературе она еще ориентировалась, спасибо филфаку, то в географических изысканиях сына терялась. Больше всего Гришу почему-то интересовали страны Океании — Ва-